

Г. И. МУШКЕТИЕРОВ

ИЗБРАННОЕ

Г. И. УСПЕНСКИЙ

ИЗБРАННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1953

Г. И. УСПЕНСКИЙ

Имя Глеба Ивановича Успенского, правдивого, глубокого и зоркого художника, стоит в первом ряду выдающихся представителей русской классической литературы второй половины XIX века.

Современник и соратник М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. А. Некрасова, наследник идей Чернышевского и Добролюбова, Г. Успенский, по определению В. И. Ленина, был одним «из лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь»¹.

Литературная деятельность Г. Успенского протекала в период 60—80-х годов. Крестьянская реформа 1861 года, как писал Ленин, ознаменовала собой «начало новой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи»². Развитие капитализма в городе и деревне, разрушая устои старого, крепостнического уклада, вызывало разорение и обнищание крестьянских масс; в поисках заработка крестьяне вынуждены были уходить в город и пополнять ряды городского пролетариата. В 70-е годы в России развернулось народническое движение. В эти же годы пробуждается революционное сознание пролетариата, формируются первые рабочие организации: в 1875 году организовался «Южнороссийский союз рабочих», в 1878 году — «Северный союз русских рабочих». В 1883 году появилась первая русская марксистская группа «Освобождение труда», сыгравшая важную роль в подготовке создания русской социал-демократической рабочей партии. Иллюзии народников, являвшихся противниками марксизма и не понимавших законов экономического и политического развития общества, терпят крушение.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 10.

² Там же, т. 17, стр. 96.

Эти важнейшие процессы и связанная с ними общественно-политическая борьба нашли яркое отражение в творчестве Успенского. Все помыслы писателя были связаны с народом, с надеждой на его грядущее возрождение. В каком направлении развивается пореформенная Россия и какие общественные силы избавят народ от помещичьего и капиталистического гнета,— именно эти насущные вопросы современности стоят в центре внимания Г. Успенского и пронизывают все его творчество.

Разделяя некоторые иллюзии народников, Г. Успенский вместе с тем как замечательный художник-реалист сумел правдиво и с огромной впечатляющей силой отобразить социальные процессы, происходившие в России в пореформенную эпоху, и, таким образом, сыграл крупную роль в разоблачении вредных народнических теорий. По словам Г. В. Плеханова, Успенский — самый умный и самый талантливый из писателей народников — «подписал смертный приговор народничеству».

В. И. Ленин высоко ценил Успенского. В борьбе с народниками он неоднократно прибегал к образам, созданным писателем. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин привел характеристику Г. Успенского, данную одним из русских марксистов Гурвичем: «Народник 70-х годов... не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между «эксплуататором» — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще»¹.

Глеб Иванович Успенский родился 25 октября 1843 года в Туле, в семье чиновника. Детство писателя прошло в доме деда, отличавшегося суровым, деспотическим характером. Домашний деспотизм, невежественная чиновничья среда, взяточничество, рекрутские наборы, бедствия крестьян — таковы безрадостные впечатления молодого Успенского. Впоследствии в своей «Автобиографии» он писал: «Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 237—238.

20-ти обрекала меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость».

В 1861 году по окончании гимназии Успенский поступил на юридический факультет Петербургского университета, а затем после закрытия университета в связи со студенческими волнениями перешел в Московский. Но средств для продолжения учебы не оказалось, и Успенский вынужден был уйти из университета.

В 1862 году в журнале «Зритель» был опубликован рассказ Успенского «Идиллия». Вскоре последовали «Михалыч» (1862), «Старьевщик» (1863) и другие.

С 1865 года он сотрудничает в некрасовском «Современнике», где в 1866 году печатает начальные очерки своего первого крупного произведения — «Нравы Растеряевой улицы», принесшего ему широкую известность.

В этом цикле очерков Г. Успенский рисует страшные картины бедности, в «мамаевом плену» у которой находятся обитатели Растеряевой улицы, олицетворяющей всю голодную и нищенскую трудовую Россию. В гнилых, полуразрушенных лачужках, в постоянной борьбе с нуждой живут рабочие-мастеровые, мелкие чиновники, получающие гроши за свой труд. В «трясинах растеряевского невежества» вскармливаются деспоты, подобные Толоконникову, шарлатаны вроде медика Хрипушина, окруженные ореолом всезнания невежественные Балканыхи, гибнут стремящиеся к знанию люди (Алифан).

Ярко и правдиво написан Успенским образ отвратительного хищника — эксплуататора Прохора Порфирыча. Мысль о «разживе» не покидает его. «Самым яростным желанием» Прохора Порфирыча, с успехом овладевшего искусством «объегоривания», «обдерки» трудящихся, было «засесть» рабочему человеку «на шею».

По силе обличения затхлого мещанского мира «Нравы Растеряевой улицы» можно сравнить с известным окурковским циклом М. Горького. Произведение это показало, что в русскую литературу 60-х годов пришел новый крупный писатель-реалист.

Исключительное значение в жизни Успенского имело его участие с 1868 по 1884 год в «Отечественных записках», возглавлявшихся Некрасовым и Салтыковым-Щедриным. Общение с гениальным поэтом и великим сатириком оказало сильное воздействие на формирование революционно-демократических взглядов писателя. В 1886 году Г. Успенский писал В. А. Гольцеву: «Щедрин — литератор, беллетрист, за которым большой опыт и огромный труд. Я знаю его, ценю, уважаю и знаю еще, что он может мне указать».

Замечательным рассказом «Будка» (1868) начинается сотрудничество Г. Успенского в журнале революционной демократии. В этом

рассказе в образе будочника Мырцова писатель изобразил вымуштрованного царского служаку, с тупой бессознательной силой выполняющего карательные функции. «Тащить» и «не пущать» — обязанности, до такой степени освоенные Мырцовым, что он «в людях начал замечать только шивороты и этим отличал людей от бессловесных животных и неодоушевленных предметов».

В рассказе «Будка» писатель создал обобщенный сатирический образ всего царского режима.

В 1869 году появилось второе крупное произведение Успенского — очерки «Разорение», в которых изображалась Россия пореформенной поры. В первом большом цикле очерков «Нравы Растеряевой улицы» им были выведены бедные забитые люди, покорно несущие «свое бремя-нужду». В «Разорении» писатель нарисовал колоритный образ рабочего Михаила Ивановича с пробудившимся общественным сознанием, «со злостью и негодованием» вскрывающим несправедливость существующих порядков. Этот рабочий понял, что такое «прижимка» и «обдерка». «Купец, — говорит он, — брюхо наживал по какому случаю? — по тому случаю, что с рабочих, либо так с мужиков лупил... Все они дома строили и животы растили на наш счет, а наш брат получал по скуле...» Михаил Иванович с пафосом произносит: «Пора простому человеку дать дыхание!.. Довольно над ним потешаться, разбойничать!.. Дайте ход!..» Обличительные речи Михаила Ивановича находили горячий отклик в среде демократического читателя того времени.

В 1872 и затем в 1875 году Глеб Успенский предпринял поездки за границу. Нищенское положение трудящихся стран Западной Европы производит на него гнетущее впечатление. В Бельгии «бедность... ужасная», «чем ближе к Парижу, тем нищеты больше», — пишет он жене.

В Париж писатель приезжает спустя год после разгрома Коммуны. Зверская расправа версальцев с коммунарами, следы которой еще хранила французская столица, до глубины души потрясает чуткого к народным страданиям Успенского. «Здесь, на этом самом месте, — сообщает он жене, — версальцы в прошлом году 21-го мая расстреляли 450 коммунистов, вся площадка была залита кровью, — и теперь даже кровь так въелась в камень, что как ни очищали ее, пегие пятна видны. Я на этой площадке простоял час, словно помещанный или в столбняке, — ноги мои словно прилипли к этому месту, где умерло столько народа».

Со свойственной ему пылкостью, стремлением проникнуть в сущность явления изучал Глеб Успенский капиталистический строй.

Это нашло отражение в таких произведениях, как «Болезнь совести», «Выпрямила» и других.

Гневными, полными бичующего сарказма словами клеймит писатель лживую буржуазную демократию. Ему принадлежит запоминающаяся сатирическая характеристика реакционного пруссачества, после победы во Франко-прусской войне бряцавшего оружием, мечтавшего о мировом господстве. «В самом деле, только переехали вы границу,— писал Успенский,— только было стали облизываться от дешевизны бутербродов,— хватъ, стоит Берлин, с такой солдатчиной, о которой у нас не имеют «понятия» и которая заставляет вас сразу терять аппетит ко всем этим прелестным газовым рожкам, мостовым, «по таксе» и т. д. Палаши, шпоры, каски, усы, два пальца у козырька, под которым в тугом воротнике сидит самодовольная физиономия победителя, попадают на каждом шагу, поминутно; тут отдают честь, здесь сменяют караул, там что-то выделывают ружьем, словно в помешательстве, а потом с гордым видом идут куда-то... В окне магазина — победитель в разных видах... У иных одно лицо сделано величиною в аршин (из мрамора, из металла), причем усы, как бычачьи рога, стремятся вас запороть, положить на месте... Спросите любого из этих усов о его враге и полюбуйтесь, какой в нем сидит образцовый сознательный зверь...»

Он отвергает «правду» буржуазного общества. От этой «правды» он выносил ощущение «холодной, облипающей тело, промозглой дряни» («Выпрямила», 1885). Он обличает истукана-буржуа — «стального паука», «органически» безжалостного к народу. А в народе, пишет Успенский, «такая голь, такой ужас, такая грязь, что можно было только остановиться, остолбенеть и глядеть в истинном ужасе на безукоризненно-ясное явление жизни... целые гирлянды нищих детей, целые кучи их, кучи какой-то рвани... копошатся по нищенским переулкам. Да, это уж точно нищета! Не прикрытая! Гляди — и всю жизнь не забудешь этой «правды» теперешнего человеческого общества».

В странах буржуазной Европы писатель окончательно убедился в антинародном эксплуататорском характере капиталистического строя.

И вот «подлинная правда жизни», — как выражался он в своей автобиографии, — повлекла его «к источнику, то есть к мужику». Чаяния и стремления многомиллионной массы русского крестьянства, обманутой в 1861 году, получившей «освобождение» без земли, оказавшейся в крайней нищете, под гнетом помещика и нового эксплуататора-капиталиста, становятся главной темой творчества Успенского.

Напряженно и непрестанно работает его творческая мысль. Одно за другим следуют замечательные произведения о русском крестьянине — «Книжка чеков» (1876), «Из деревенского дневника» (1877—1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882), «Живые цифры» (1888) и другие, обозначая новый и чрезвычайно плодотворный период его творчества.

Обратившись к изображению русской пореформенной деревни, Успенский показал подлинную правду жизни, потряс читателя воссозданной им картиной.

Уже из рассказа о жизни распясовцев («Книжка чеков») можно было сделать вывод о том, как страшна действительность русского крестьянина. Деревня Распясово — это Горюхино после-реформенной поры. Ограбленные царем и помещиком, распясовцы попадают в лапы купца и фабриканта Мясникова, доводящего их до полного разорения. Действующий согласно новой теории «человек — полтина», купец-предприниматель полностью закабалает крестьян, не оставляя и тени тех жалких «правов», которые у них до этого были, покупая все — свободу, силу, здоровье, любовь.

Капитализм неумолимо и безжалостно разрушает старые патриархальные основы в деревне. С неопровержимой убедительностью раскрыл писатель, как разлагается община, на которую такие большие надежды возлагали народники. Он писал во «Власти земли»: «...в этой-то ячейке, именуемой «сельское общество» (которое все рекомендуют оставить в полной неприкосновенности, как святыню и как место без окладов), таится ничуть не меньше беды, чем во всем огромном теле страны». И добавлял: «Какие же это общинники теперь, если сосед наживает на соседе капитал, скромную деревенскую копеечку на копеечку?»

Идет быстрое расслоение крестьянства. С одной стороны, действует «местный кулачок», ежегодно кладущий в свой карман «более пяти тысяч рублей серебром крестьянских денег у всех на глазах, не шевеля пальцем» («Крестьянин и крестьянский труд»), с другой — завелся «хронический нищий», родился деревенский пролетариат, запутавшийся в тенета деревенских «биржевых операций» (образ Ивана Босых из «Власти земли»).

Успенский страстно стремился найти выход из создавшегося положения. В очерках «Крестьянин и крестьянский труд» и «Власть земли» он попытался дать теоретическое обоснование своим выводам. Теория, созданная Успенским, при всей своей стройности была утопичной.

В цикле «Крестьянин и крестьянский труд» он создал образ «неиспорченного» крестьянина (Иван Ермолаевич), погруженного

исключительно в сельскохозяйственный труд. «Аристократически-крестьянской душе» этого землепашца чужда и противна «возня из-за случайной копейки». Иван Ермолаевич, весь образ жизни и мышления которого основывается на велениях природы, «власти земли», царящей над ним, кажется Успенскому идеальным типом русского крестьянина. Успенский считает, что нужно сделать все возможное, чтобы сохранить такой тип крестьянина, не допустить разрушения «власти земли», «земледельческого мирозерцания». Большие надежды возлагает здесь писатель на народную интеллигенцию, которая, по его мнению, всегда вносила облагораживающее влияние в крестьянское сознание.

В теории «власти земли», несомненно, отразилась народническая романтика, но главное и определяющее в очерках Успенского о крестьянстве не его теория, а глубокий и, можно сказать, научно-художественный анализ положения в пореформенной деревне, вооруживший русских марксистов в их борьбе против народников.

Необычайно прозорливый художник, Успенский уже в первых своих произведениях о крестьянстве вскрыл, как капиталистические щупальцы проникали во все отрасли тогдашней жизни. Он видел, что капитализм опутывает русский народ новыми узами неправды, обрекает его на еще большие страдания. Поэтому критика капиталистических отношений в его последующих произведениях возрастала. В восьмидесятые годы он задумал книгу с характерным названием «Власть капитала». Во второй половине 80-х годов он писал В. М. Соболевскому: «Подобно власти земли... мне теперь хочется до страсти писать ряд очерков «Власть капитала».

Сомневаясь в том, как лучше назвать будущий цикл — «Власть капитала» или «Очерки влияния капитала», Успенский разъяснял: «Влияния эти определены, неотразимы, ощущаются в жизни неминуемыми явлениями».

Капитализм, «меркантилизм, или просто-напросто господин Купон» идет как грубая неотвратимая сила, — писал Успенский в 1888 году в «Грехах тяжких». В очерке «Буржуй» (1885) он нарисовал мерзкую фигуру представителя нового эксплуататорского класса, опустошенного «нравственно в отношении к недавнему прошлому», опустошенного «умственно в отношении к будущему», ничего не признающего, кроме слова «купить!».

Как фрагмент общего замысла «Власти капитала» можно рассматривать очерки «Живые цифры» (1888). Болезнь и смерть помешали писателю довести начатое дело до конца.

Глеб Иванович Успенский был великим гуманистом. Он видел, как несчастен человек в современном ему обществе, «заморожан-

ный», потерявший самое счастье ощущать себя человеком. «Человека — и сметь так осрамить! Человека-то сделать несчастным...» — гневно восклицает писатель в очерке «Выпрямила».

Глубоко постигнув «горе» человеческой души, «горе» всего человеческого общества, он верил в силы русского народа. Перед ним рисовалась светлая картина будущего счастливого общества, которое построят выпрямившийся, освобожденный от оков человек. «Мысль ваша, печалась о бесконечной «юдоли» настоящего, не может не уноситься мечтою в какое-то бесконечно-светлое будущее. И желание выпрямить, высвободить искалеченного теперешнего человека до этого светлого будущего, даже и очертаний уже определенных не имеющего, радостно возникает в душе», — такими волнующими, пророческими словами завершал Успенский свое дышащее большой любовью к людям произведение «Выпрямила».

Глеб Успенский необычайно быстро откликался на все события современной жизни. Все, что происходило в гуще народной жизни, он стремился немедленно «разузнуть и расследовать». «То, что еще только мелькало впереди смутными очертаниями будущей правды, — писал В. Г. Короленко, — за тем он гнался страстно и торопливо, не выжидая, пока оно самопроизвольно сложится в душе в ясный, самодовлеющий образ. Он пытался обрисовать поскорее для насущных надобностей данной исторической минуты...» Этим объясняется и своеобразие художественной формы его произведений. В наследии Успенского нет романов. Излюбленным жанром писателя был очерк. Очерки Успенского основывались на фактах жизни, статистических данных, и в то же время они были высокохудожественными. Сухие цифры оживали под пером большого писателя, превращались в живые образы, глубоко волновавшие читателей. Ярким примером такого очерка может служить «Четверть лошади» — потрясающая картина жизни безлошадного русского крестьянина.

Богат и гибок язык произведений Успенского. С подлинным виртуозным блеском умел он строить диалог, живой и необычайно выразительный.

Гневно-обличительные, лирически взволнованные, неотразимые в своей правоте и убеждающей силе, очерки Успенского сыграли огромную роль в освободительном движении русского народа, будили его революционное сознание. Не случайно читатели Успенского — тифлиские рабочие, приветствуя писателя в день двадцатипятилетия его литературной деятельности, заявляли: «Когда мы, рабочие, читали Ваши рассказы, то своим сердцем догадывались, что Вы любите нас; любите говорить простую правду, и за это мы полюбили Вас и Ваши книги; полюбили и другие книги других людей,

которые так же, как и Вы, говорят правду. И из этих хороших книг мы сумели сами для себя извлечь пользу; мы научились думать о своей жизни... мы научились отличать добро от зла, правду от лжи... И верится нам, что настанет хорошее время... К этому желанному времени мы тихо идем, с трудом пробивая дорогу. Когда же оно наступит, скоро или нет? Но вера в душе загорелась, явилась надежда, что и для нас, рабочих, настанут веселые дни.

Творческая деятельность Глеба Успенского, заболевшего тяжелой болезнью, оборвалась в 1889 году. Он умер 6 апреля 1902 года.

После смерти Успенского ленинская «Искра» писала: «Сам Г. Успенский был и остался народником в том смысле, что для него не было типа человека лучше, желаннее крестьянина, живущего при натуральном хозяйстве, но, глубоко правдивый художник и мыслитель, он вечно показывал нам всю невозможность революционной программы, приуроченной к этому типу, и в то же время как нельзя яснее показывал также и безнадежность мечтаний о сохранении как любимого типа, так и всего старого быта и старых крестьянских учреждений при новых экономических условиях.

Для самого Г. Успенского эти противоречия были безысходно трагическими. Но для многих из его читателей они расчищали путь к принятию нового революционного мировоззрения, указавшего выход»¹.

Произведения Успенского — художника тонкого ума, подкупающей искренности и огромного таланта — это наше драгоценное наследство.

Г. И. Успенский дорог советскому читателю, как «писатель трудящихся» (Серафимович), революционный демократ, чьи творения — богатейший источник познания нашего дореволюционного прошлого — учат еще больше любить прекрасное настоящее.

Н. Ждановский

¹ «Искра», 1902, № 20.

**ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ.
ОЧЕРКИ**

ПРАВЫ РАСТЕРЯЕВОЙ УЛИЦЫ

В городе Т. существует Растеряева улица.

Принадлежа к числу захолустий, она обладает и всеми особенностями местностей такого рода, то есть множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем. Эту картину дополняют ужасы осенней грязи, ужасы темных осенних ночей, оглашаемых сиротливыми криками «караул!», и всеобщая бедность, в мамаевом плену у которой с незапамятных времен томится убогая сторона.

Бедное и «обглоданное», по местному выражению, население всякого закоулка, состоящее из мелких чиновников, мещанок, торгующих мятой и мятной водой, мещан, пропивающих все, что выторговывают их жены, гарнизонных солдат и проч., такое бедствующее население в городе Т. пополняется не менее обглоданным классом разного мастерового народа. В Т. с давнего времени процветала промышленность всякого рода металлических изделий: в городе и в окрестностях находятся чугунолитейные, колокольные, самоварные и другие заводы. Кроме того, город славится известным заводом стальных изделий, населившим своими рабочими все *Заречье* и целую слободу *Чулково*. Это сторона совершенно особенная: обыватели ее, когда-то пользовавшиеся разными правительственными привилегиями, гордо посматривали на мастеров городской стороны, работающих в одиночку, и при встречах не упускали случая поделиться взаимными любезностями: «кошкин хвост!» говорил один, «огурцом зарезался», отвечал другой, и оба с серьезными лицами проходили мимо. От насмешек зареченского мастера или *казюка*,

как называют их мещане, не уходил даже чиновник, для которого тоже были изобретены особенные клички, например: «стрюцкий» или «точеные ляшки» и прч.

Растеряева улица лежит на городской стороне, но общий колорит рабочего города отразился и здесь. Вот между прочим в лачуге, ниоткуда не защищенной заборами, проживает представительница собственно растеряевского мастерства, старая солдатка, «кукольная». Под ее дряхлыми пальцами цветет отечественная скульптура; в летние, погожие полдни на завалинке ее лачуги непременно сушится несколько глиняных офицеров и дам и бесчисленное множество лошадей-свистулек с одними передними ногами. Растеряевские мальчишки запасаются этими свистящими конями и в течение целого года разнообразят смертельно-пронзительным свистом свое горестное существование. В таких же лачугах живут *сверлильщицы*, *наждашницы*, женщины и девушки, занимающиеся на фабриках. В этой же улице живут *гармонщики*, *токари*, *наводильщики* и т. д. На конце улицы, упирающейся в широкое Воронежское шоссе, виднеется квадратное здание из темнокрасного кирпича — самоварная фабрика. Все эти мастерства дают Растеряевой улице, несколько иную сравнительно с другими захолустьями физиономию. В дни отдыха молчаливая физиономия ее оживляется драками и пьяными, разбросанными там и сям. В будничные дни к звонкому пению кур присоединяется стук молотков, то попеременно, то сразу вдруг обрушивающихся на отекаемую металлическую массу; звуки гармонии, на которой мастер для пробы тронул с «перехватом»; жужжание токарного станка — и надо всем этим, по обыкновению, тихая песня. В темные зимние вечера, когда бывали обыкновенно везде уже заколочены наглухо ворота и ставни и обыватели ложились спать, окна фабрики были еще ярко освещены, из осьмигранной трубы медленно выползали большие мутнокрасные искры, тотчас же потухавшие в темном воздухе.

Никем не вспоминаемая, никем не сторожимая, Растеряева улица покорно несет свое бремя — нужду. Стук молотков, постоянная песня или бойкая шутка мастерового, идиллическая веселость детских уличных игр или развеселая сцена бабьего столкновения, разыгравшаяся среди бела дня и среди улицы, — все эти внешние, улич-

ные проявления растеряевской жизни не дают, однако, никакого понятия о том темном горе жизни растеряевского обывателя, которое гнетет его от колыбели до могилы.

Мы узнаём его постепенно и, как ни удивительно будет это для читателя, начнем наше знакомство с растеряевским горем при помощи такого растеряевского человека, который, ко всеобщему удивлению, иногда с совершенно покойною совестью может сказать о себе:

— Чего ж мне еще от Христа моего желать?

Человек этот был pistolетный мастер, молодой малый, по прозванию Прохор Порфирыч, обитавший в собственном домишке. Ради такого дивного дива мы прежде всего и познакомимся с этим счастливым человеком, чтобы вместе с тем познакомиться с скромными растеряевскими людьми всякого звания, по-своему недовольными и по-своему счастливыми...

І. ПРОХОР ПОРФИРЫЧ

Года два тому назад Прохор Порфирыч еще не был постоянным обывателем Растеряевой улицы, хотя улица эта выныячила его и выпустила на свет божий из своих голодных недр. Дело в том, что в Растеряевой улице когда-то давно поселился отставной полицейский чиновник, упрочивший за собой славу великого дельца и человека особливо неустойчивого насчет женского пола: так, он развелся с женой, необыкновенно слезливой женщиной, и сошелся с ярославской мещанской девицей Глафирой, которая долго держала прихотливого барина в своих руках и под конец все-таки должна была отказаться от него в пользу чиновничьей дочери Лизаветы Алексеевны, девицы средних лет, с опущенными всегда в землю глазами и жестоким стремлением к воровству. Глафира, впрочем, не рассталась с барином: низведенная на степень кухарки, она решилась скоротать свой век в кухне и полегонечку начала запивать. Прихотливый барин тоже и сам не имел духу прогнать ее (что следовало по обычаю), потому что у нее было два сына, которые хоть и назывались Порфирычами в честь ветхого кучера Порфирия, но и барин, и Глафира, и дети знали, в чем дело. Старший сын

Глафиры оставался при доме, в качестве лакея; младший, Прохор, отдан был в ученье к токарному мастеру. И в то время, когда веселый дом чиновника уныло стоял с закрытыми в нижнем этаже окнами, когда в саду его не слышно было больше пьяных чиновничьих голосов, распевавших светские и духовные песни, а сам барин, пораженный всяческими недугами, неподвижно лежал в маленьком мезонине, ожидая смерти, Прохор Порфирыч, в эту пору двадцатитрехлетний парень, работал за Киевской заставой один, на себя, приготовляя на продажу револьверы.

В это время и начинается наше с ним знакомство.

Вследствие ли сознания своего «благородства», или вследствие житейского опыта, Прохор Порфирыч держался как-то в стороне от своих собратий-мастеровых, не походя на них ни в чем: его никто никогда не видал в драке, с разбитым глазом, или пьяным, валяющимся где-нибудь среди лужи. Растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочего человека, с свалывающею войлоком бородой, в картузе, простреленном и пулями и дробью во время пробы ружья, с какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказать, что «жизнь — копейка», такая отчаянная фигура совершенно не походила на фигуру Прохора Порфирыча: на нем всегда был цельный, опрятный картуз, лицо тщательно вымыто, а грязная шея, запыленная мельчайшими железными опилками, носящимися в воздухе мастерской во время работы, пряталась под гарусным шарфом, придерживаемым плисовым воротником достаточно подержанного драпового пальто. Плохонькие, но все-таки выпускные панталоны и ясные признаки поплеывания на носки грязноватых сапог, все это говорило о желании иметь хоть какое-нибудь подобие человека, и главное, человека благородного. Вообще он не столько походил на мастерового, сколько на семинариста, благочиннического ¹ сына; у него не было только этого довольства фильдекосовыми перчатками, этого страстного желания распластать огненного цвета шарф по всей спине, да и физиономия его носила следы постоянной сдержанности, вдумчивости, дела, что сам Прохор Порфирыч

¹ Благочинный — священник, наблюдающий за несколькими приходами.